

Глава 3 ЖАРКОЕ НЕБО 41-ГО

Кто не воевал в 1941—1942-м годах, тот не видел настоящей войны.

А. И. Покрышкин, трижды Герой Советского Союза, маршал авиации

В воскресенье 22 июня Маресьев вместе с товарищем Николаем Шаховым, таким же летчиком-инструктором, прямо с утра отправился в Ростов-на-Дону. В распоряжении был целый день, но, главное, зачем они туда поехали — это заказать себе в пошивочном ателье гражданские костюмы. Купили в универмаге материал. Причем не какой попало, а шевиот стального цвета. Зашли в ателье. Приветливый лысоватый закройщик-армянин снял с них мерки, затем повесив сантиметр на шею, стал выписывать квитанции на оплату. И в этот момент в ателье забежала женщина.

— Война! — чуть ли не истеричным голосом закричала она. — Началась война! В 12 часов будет выступать Молотов.

— Что вы панику сеете! — резко бросил женщине Маресьев. — Какая война? С кем?..

— С Германией! — так же резко ответила она.

У Маресьева в эту минуту невольно вырвалось:

— Ну, Колян, придется нам повоевать...

Возвращаясь в Батайск, друзья все равно не могли взять себе в толк эту страшную новость. Как же так? — недоумевали они. Ведь у Советского Союза с Германией пакт о ненападении. Тем более что неделю назад -14 июня - в «Известиях» было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором ясно сказано: ходят слухи, что Германия якобы хочет напасть на Советский Союз. Это лживые и провокационные слухи, лишённые всякой почвы. Германия пунктуально выполняет договор о ненападении, как и Советский Союз. И вот после этого...

Однако все сомнения Маресьева и его товарища через два часа развеяло официальное сообщение, переданное по радио. Из хриплого репродуктора, установленного на столбе у плаца школы, все услышали голос наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. В своей речи он сказал о том, что фашистская Германия «без предъявления каких-либо претензий... без объявления войны» напала на Советский Союз, поэтому вся ответственность за это разбойничье нападение на СССР целиком и полностью падает на германских фашистских правителей. Заключительные фразы «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», сказанные Молотовым, немного подняли собравшимся на

плацу курсантам и офицерам настроение, но все равно оно оставалось тяжелым.

Вскоре состоялся митинг, на котором батальонный комиссар школы Малолетков сказал, что война будет трудной. Агрессор, напавший на Страну Советов, сильный и коварный, но очень скоро непобедимая Красная армия отразит его натиск и начнет громить фашистов на их же территории. Другие выступавшие заверили, что в борьбе с фашизмом они отдадут все силы, а если потребуется — и жизнь.

Находясь на многие сотни километров от вероломно нарушенных границ, Алексей и его товарищи нисколько не сомневались в скорой победе над агрессором. Поэтому первым естественным порывом каждого из них было желание отправиться на фронт. Но в те минуты они еще не знали, что вторгшийся враг, словно удав, уже заглатывает огромные пространства советской земли. Его танки утюжат дороги, ведущие к Минску, Риге, Киеву. На военных аэродромах Украины, Прибалтики, Белоруссии черными факелами пылают сотни и сотни краснозвездных крылатых машин, так и не поднявшихся в воздух. А тех, кто успел поднять самолеты в воздух, немецкие асы* сбивали, словно охотники куропадок. На восток, в глубинную часть страны потекли нескончаемой рекой колонны беженцев, машин, повозок...

На следующий день громом среди ясного неба стало появление над Батайском немецкого бомбардировщика Ли.88. В условиях низкой облачности чужака черно-зеленого цвета определили сразу. На фюзеляже и крыльях «Юнкерса» отчетливо выделялись крупные строгие кресты.

*** В люфтваффе для обозначения летчиков-асов использовался термин «эксперт», но здесь, чтобы не путать читателя новыми терминами, мы будем использовать более привычное название, тем более что смысл от этого не меняется.**

В этот момент Маресьев как раз был на аэродроме, а в воздухе находилось несколько учебных самолетов, но они были бессильны перехватить немецкую машину, вскоре скрывшуюся в облаках.

Начиная с 22 июня жизнь школы пошла по глубокой колее войны. Вся работа учебного заведения была подчинена интересам фронта. Маресьев практически дневал и ночевал в школе. Занятия стали проходить с большей интенсивностью, программу обучения курсантов сократили до шести месяцев. Полеты начинались с рассвета и продолжались до наступления темноты. Бывали дни, когда Маресьев и другие летчики-инструкторы совершали вместе с курсантами по 70—80 взлетов и посадок. Задача состояла в том, чтобы ускорить выпуск курсантов, дать фронту подготовленных летчиков-истребителей. Однако через некоторое время возникли проблемы с нехваткой авиатехники, так как часть боевых машин вместе с летчиками была отправлена на фронт. Поэтому курсантам приходилось дожидаться очереди, пока освободится самолет, чтобы подняться в воздух. Но никто не роптал, не жаловался. Все понимали: идет

война.

В конце июля на Ростов упали первые немецкие бомбы. Прилетевший со стороны Азовского моря немецкий бомбардировщик сбросил смертоносный груз на двухэтажный жилой дом. Почти все находившиеся в нем жильцы погибли. Затем стервятник сделал заход на мост через Дон, но промахнулся — бомбы не попали в цель. После этой бомбардировки Маресьева и других летчиков-инструкторов стали задействовать для выполнения задач по прикрытию гражданских объектов и воинских частей от налетов вражеской авиации.

Между тем война, подобно грозовой туче, стремительно приближалась к донским хуторам и станицам. Поступавшие с фронтов вести становились все тревожнее. Красная армия оставляла город за городом. Среди офицеров стали поговаривать о перебазировании школы в Азербайджан. Занятия, в частности полеты, практически прекратились. Многие летчики-инструкторы хотели попасть на фронт. Рвался туда со своим упрямым характером и Маресьев.

— Братцы, сколько же ждать? — спрашивал он у своих коллег летчиков-инструкторов. — Рапорты надо подавать на имя начальника школы: наше место сегодня должно быть на фронте!

52

— Какой фронт, товарищ младший лейтенант? — вскинув брови, строго посмотрел на Маресьева начальник школы полковник А. И. Кутасин, когда тот заикнулся о своем рапорте. — Твоя задача учить молодежь, а навоеваться еще успеешь.

Однако настырность ли Маресьева, другие ли обстоятельства сыграли свою роль, но в первых числах августа его очередной рапорт (всего он написал шесть) был наконец-то удовлетворен. Вот что рассказывал об этом сам Маресьев: «Меня стали посылать дежурить в Ростов, то есть давали мне вроде как боевую работу. Я взял и написал докладную записку, чтобы меня взяли на фронт. Однажды я дежурю на главном аэродроме, и меня вызывает командир звена. Встречает он меня словами: “До свиданья, до свиданья”. Я говорю: “Что это за до свиданья?” — “А ты улетаешь”. Оказывается, по моей докладной записке меня направили на фронт».

На фронт Маресьев улетал не один, а в составе группы, которая была сформирована по приказу начальника школы. Перед вылетом состоялись короткие проводы. Не без грусти Маресьев расстался со своими питомцами, которые получили от него первые летные уроки. На прощание они пожелали ему, как это принято в авиации, легкой посадки.

Тепло попрощался с летчиками и полковник Кутасин. Это были трогательные и волнительные минуты. Александр Иванович обошел всех, каждого по-отцовски обнял и поцеловал. После этого обратился к летчикам с короткой речью:

— На опасное дело, на святое дело вы идете, сынки. Надеюсь, что вы с честью оправдаете доверие нашей великой Родины. Не посрамите

родную школу, которая дала вам крылья! Бейте фашистских гадов, дорогие мои истребители, бейте так, чтобы с каждым днем их становилось все меньше и меньше. Помните, что дело нашего народа правое — враг будет разгромлен, победа будет за нами!..

Вскоре прозвучала короткая команда:

— По машинам!

Отработанными движениями Маресьев надел парашют. Техник самолета помог ему застегнуть карабины. Затем летчик пружинисто поднялся на плоскость. И вот он уже в кабине. Заняли свои места и его товарищи. Самолеты, огласив поле громким трескучим ревом, стали выруливать на старт. Буквально через каких-то пять минут группа крылатых машин уже была в воздухе. Сомкнув строй, как на параде, «ишачки» взяли курс на Южный фронт. Позади остался родной аэродром. Под крылом в легкой прозрачной дымке замелькали донские хутора и станицы, золотые ковры пшеничных полей, извилистые ленты рек.

По пути, прежде чем долетели до места назначения в район Кировограда, где базировался 296-й истребительный авиационный полк* 66-й авиационной дивизии, два раза делали посадки для дозаправки горючим.

«Наш полк, которым командовал майор Николай Баранов, уже сформировался, когда к нам прибыла на пополнение группа инструкторов из Чугуевского и Батайского авиационных училищ [на тот момент авиационные школы. — Я. К.], — вспоминал в своей книге «Воздушные бойцы» однополчанин Маресьева, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Б. Н. Еремин. — Я был помощником командира эскадрильи, запомнил всех. Старшим группы был капитан Владимир Кулев, в состав ее входили Владимир Балашов, Николай Демидов, Алексей Маресьев, Алексей Соломатин, Иван Вишняков, Александр Мартынов, Василий Скотной и другие. Все они были опытными инструкторами с прекрасной техникой пилотирования, и теперь им предстояло приобщиться к боевой деятельности. Мы их очень ждали, потому нас уже изрядно потрепали. Летали мы на И-16, как их называли ишачках, надеялись, что новички придут на свеженьких машинах, а они пришли на залатанных школьных самолетах. Тех самых, на которых курсантов обучали. А другие где им было взять? Кое-кто из встречавших говорил, знаете, с такой иронией - ну, вот, мол, надежды наши... Однако все прибывшие оказались прекрасными летчиками, у них была отличная техника пилотирования. Отмечу еще, что изъяны материальной части они компенсировали не только высоким мастерством, но и исключительным желанием драться... Всех нас связала крепкая боевая дружба — самый трудный период войны предстояло провоевать вместе».

Маресьев, можно сказать, попал в самое пекло боев. Обстановка была сложная, к тому же она постоянно ухудшалась. Советские войска, истекая кровью и неся огромные потери, держали оборону по рубежу Днепра от

плацдарма у Киева до Кременчуга и далее по линии Кривой Рог — Каховка — Херсон. В течение августа противник неоднократно пытался овладеть Киевом и форсировать Днепр в полосе Юго-Западного фронта, но безуспешно. Тогда немецкое командование развернуло значительные силы на юг для удара во фланг и в тыл Южному фронту. Тяжелые бои шли под Одессой, Тирасполем, Мелитополем.

*** 18 марта 1943 года полк преобразован в 73-й гвардейский истребительный авиационный. Затем он получил ряд отличий и наград и с 17 мая 1945 года стал именоваться 73-м гвардейским истребительным авиационным Сталинградско-Венским Краснознаменным ордена Богдана Хмельницкого полком.**

Полк, в котором начал служить Маресьев, даже трудно было назвать полноценной боевой единицей. Он находился в стадии формирования, в его состав входили две эскадрильи, которые начали пополняться, как уже сказано, летчиками-инструкторами Батайской и Чугуевской военных авиационных школ. Технический состав был укомплектован всего лишь на 20 процентов.

Боевого опыта никто из прибывших не имел, но зато техникой пилотирования, как сказано выше, все действительно владели отменно: сказывались навыки, приобретенные при подготовке курсантов. Инструкторская работа стала для Маресьева и его товарищей действительно хорошей школой. Обучая курсантов, они показывали высокий уровень техники пилотирования. Инструкторы намного точнее, безупречнее, чем летчики строевых частей, управляли крылатыми машинами, в большей степени контролировали полеты по приборам, поскольку именно так следили за правильностью действий курсантов. И теперь здесь, на фронте, летчики из инструкторов быстро влились в боевой строй, став умелыми воздушными бойцами.

Что касается авиапарка, то полк насчитывал полтора десятка уже не новых истребителей И-16, два штурмовика Ил-2, неисправный скоростной истребитель МиГ-1 и всё, тогда как по штату должен был иметь не менее 34 самолетов! Пополнение парка материальной частью шло только за счет ремонта подбитых и неисправных машин. Их отыскивала и подбирала специальная команда, состоявшая из техников и механиков. Так в полку оказались два «верблюда», как называли штурмовик Ил-2, и один скоростной истребитель.

Об Ил-2 в полку шутили: «Что такое верблюд? — это ишак, доработанный нашей авиационной промышленностью по просьбе летчиков-штурмовиков». Из-за характерной конфигурации этого самолета его еще прозвали «горбатым». По этому поводу в полку тоже ходил анекдот:

«Истребитель встречает штурмовика, летящего на боевое задание, и спрашивает:

Куда путь держишь, горбатый?

—На охоту!

—А почему так сгорбился?

—Какая охота, если лететь неохота, разве не видишь, сколько бомб на себе тащу!..»

Безусловно, шла война, это были невероятно трудные для Красной армии дни, но шутки никто не отменял. Они часто разряжали напряженную обстановку, снимали стресс, поднимали дух летчиков в тяжелые минуты. Немцам же при налетах Ил-2 было не до шуток. За смертельные удары они называли эту мощную крылатую машину «бетонным самолетом».

Несмотря на некомплект, летчики полка выполняли множество задач. Они сопровождали бомбардировщики, летали на разведку, вели патрулирование районов с целью перехвата и уничтожения немецких самолетов. Не вылетали только на свободную охоту - значится и такой пункт в боевых отчетах полка. Из формуляра полка известно, что в период с июля по октябрь 1941 года летным составом было совершено 639 вылетов на патрулирование, 487 - на сопровождение, 455 — на разведку, 437 — на штурмовку, 0 – на свободную охоту.

Маресьев в основном летал на штурмовки. Свой первый боевой вылет он совершил 23 августа в составе звена в районе Кривого Рога. Летчики вышли на передовые позиции немцев, сделали несколько заходов, обрушили на голову противника град свинца и благополучно вернулись на аэродром. А первый воздушный бой он провел в районе Днепродзержинска. Маресьев хорошо запомнил эту встречу с врагом:

«Не забуду навек свой первый воздушный бой. Пошли мы на трех машинах — старший лейтенант Саша Костыгов, Коля Демидов и я - на разведку к Днепропетровску. Вдруг навстречу три “Мессера” [«Мессершмитт» Me-109. - *Н. К.*]. Решили вступить в бой, но фашисты боя не приняли. Когда передо мной мелькнула вражеская машина, так захотелось немедленно ее сбить, что я в спешке забыл снять с предохранителей два синхронных пулемета — те, которые стреляют через винт. Смотрю — крыловые стреляют, а синхронные — нет. В общем, очередь ушла куда-то вверх — и все кончилось. Выстроились мы клином и пошли дальше, а я про себя отчитываю механика по вооружению, который, как я думал, выпустил меня с неисправным оружием.

Перед заходом на посадку по правилу нужно все оружие поставить на предохранитель, чтобы над аэродромом не получилось непроизвольного выстрела. Тяну ручку синхронных пулеметов, а она не тянется. Что такое? И все стало ясно... На земле механик спрашивает: “Как оружие?” Я отвечаю, мол, все в порядке. Стыдно было признаться в своем промахе. Проверил он боекомплект: “А вы что из синхронных не стреляли?” — “Да нет, — говорю, — не понадобились”».

В дальнейшем Маресьеву приходилось выполнять по 3—4 вылета в день, но бывало, что он делал и по 7—8 вылетов. Тогда день превращался

в сплошной нескончаемый бой. Не успевал, что называется, прилететь на аэродром, заправить бак горючим, загрузить боекомплект, проверить машину, как опять звучала команда на очередной вылет. И пока хватало горючего, в точности выполнял приказ: «Бить врага до последнего патрона, все расстреливать по противнику». Вновь обратимся к мемуарам однополчанина Маресьева Б. Н. Еремина:

«Если говорить о характере боевой работы, то в те дни очень высока была интенсивность вылетов на штурмовку и разведку. Известно, что истребитель, используемый как штурмовик, очень уязвим. Броневого защиты у него нет, а бьют по нему с земли из всех видов оружия. Что же касается плотности огня самого истребителя, то двумя пулеметами, которыми было вооружено большинство машин И-16, многого, конечно, не сделаешь. Сейчас не помню, кто именно из наших летчиков забрался в кабину одного из бесхозных штурмовиков Ил-2, поднял его в воздух, полетал на нем и приземлился со словами: “Пойдет! Заряжай оружие! И с тех пор в течение некоторого времени наши истребители исправно летали на этих штурмовиках, когда группа получала задание вылетать на штурмовку.

Чаще всего тогда мы штурмовали артиллерийские позиции на острове Хортица, поскольку враг установил там несколько артиллерийских батарей, которые методично обстреливали город [Запорожье].

Остров этот знаменитый. Когда-то, в далекие времена[^] здесь бушевала Запорожская Сечь. В годы гражданской войны кремлевские курсанты вели здесь бой с врангелевцами. Теперь вот мы выбивали с острова фашистов...

Заходы мы делали парами. Выходили к острову с юга, делали “горку”, а затем атаковали артпозиции. В основном били из пулеметов по артиллерийской прислуге и по ящикам с боезапасом. Два наших Ил-2 сбросили бомбы на землянки и вели мощный огонь из пушек. От цели мы

57
уходили на бреющем по Днепру, затем набирали высоту и снова атаковали. Так по четыре захода с разных направлений. Специально выделенная пара истребителей подавляла зенитные точки. Каждый летчик сам выискивал себе цель».

А вот свидетельство еще одного однополчанина Маресьева — Героя Советского Союза, генерал-майора авиации И. А. Вишнякова. В своей книге «На крутых виражах» он пишет:

«День ото дня боевая работа полка становилась все более напряженной, иногда приходилось по пять-шесть раз подниматься в небо. Наши наземные войска вели ожесточенные оборонительные бои и нуждались в хорошей поддержке с воздуха. А поскольку потери в летчиках и самолетах восполнялись далеко не полностью, оставшимся в строю истребителям приходилось летать с предельным напряжением...

— Вишняков, на командный пункт! — позвал меня командир эскадрильи.

На КП уже собрались Маресьев, Демидов, Соломатин, Федоров и Костыгов. Пригласив летчиков сесть, командир полка поставил задачу:

— Приказано выслать на Хортицу шесть самолетов. Нужно нанести удар по живой силе и технике противника. Кроме того, надо вызвать огонь зенитной артиллерии на себя и подавить его штурмовыми действиями. Ведущим группы назначаю Александра Костыгова.

Мы сразу же в деталях обсудили варианты внезапного подхода к цели, определили направление атак и порядок взаимодействия между самолетами и звеньями.

До острова, занятого гитлеровцами, было рукой подать. Шестерка истребителей подошла к нему на бреющем полете и, набрав высоту, атаковала противника. Маневр и удар были настолько неожиданными, что немцы не успели сделать по нашим самолетам ни одного выстрела.

“Повторяем атаку!” — покачиванием крыльев просигналил командир группы. И шестерка И-16 снова вошла в пике.

На этот раз Хортица, словно гигантский ерш, оцетинилась огненными колючками. Каждый из нас уже знал, что такое противозенитный маневр, и умело пользовался им. Делаем третий заход, четвертый... Буйство зенитного огня постепенно сникало. Наконец не стала стрелять ни одна вражеская зенитка, будто были перебиты все орудийные расчеты.

И как раз в это время с левого берега Днепра показалась группа бомбардировщиков. На их бортах алели звезды. Наши! Именно они должны были прилететь и обрушить на врага смертоносный груз. Вслед за бомбардировщиками над Хортицей появились штурмовики, которые тоже нанесли по противнику мощный удар. Внизу бушевало море огня и дыма».

За успешную штурмовку артиллерийских позиций противника командир 4-го авиационного корпуса дальнебомбардировочной авиации резерва Ставки Главного командования полковник В. А. Судец объявил всем участникам налета на остров Хортица благодарность. Заслужить поощрение от этого летчика было большой честью. Имя Владимира Александровича еще до Великой Отечественной войны было хорошо известно авиаторам. Он храбро сражался с японцами во время боев на Халхин-Голе, затем воевал с финнами на Карельском перешейке. За образцовое выполнение заданий командования правительство наградило его орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Во время Великой Отечественной войны Судец также проявил себя как умелый и грамотный военачальник: он стал генерал-полковником авиации и с марта 1943 года до конца войны командовал 17-й воздушной армией. Летчики этого воздушного объединения отличились в битве на Курской дуге, затем беспощадно громили танковые и моторизованные части немцев в Донбассе, в Запорожье, Днепропетровске, Кривом Роге и других городах, которые войска Красной армии вынуждены были оставить в горьком 41-м. В апреле 1945 года Судец был удостоен звания Героя Советского Союза, а в 1955 году его плечи украсили погоны маршала авиации.

В архивах сохранился ряд документов, свидетельствующих о том, как воевал младший лейтенант Маресьев. Вот строки из боевого донесения от 17 августа 1941 года: «Весь личный состав работает хорошо. Правильно понимает задачу, поставленную партией и правительством, мл. лейтенант Маресьев А. П., рождения 1916 года, член ВЛКСМ, производя разведку, точно установил местонахождение противника, а затем навел на цель бомбардировщиков...»

В другом документе того времени сказано: «Хорошо действовал летчик мл. лейтенант Маресьев А. П. Сделал три боевых вылета... Только что прилетел с боевого задания и, узнав, что другие летят на штурмовку, не стал обедать, полетел снова...»

Сухие строки пожелтевших боевых донесений, к сожалению, не раскрывают подробностей этих вылетов. Только из первых уст можно узнать, что происходило тогда в пылающем небе 1941 года. Маресьев, как и большинство фронтовиков, не любил вспоминать войну. Она, по его словам, штука тяжелая. Но, бывало, прорывало, особенно в тех случаях, когда некоторые доморощенные историки пытались гуманизировать кровавые злодеяния захватчиков. И ему, боевому летчику, было что вспомнить...

В один из августовских дней — полк тогда базировался на аэродроме в районе Кривого Рога — Маресьев вылетел на штурмовку и разведку в составе группы, которую вел капитан Боянов. В ходе полета они обнаружили немецкую колонну, состоящую из грузовиков, бензовозов, тягачей с артиллерийскими орудиями... Вся эта армада длинной змеей медленно втягивалась в населенный пункт. У летчиков, как назло, на исходе было горючее, пришлось возвращаться на аэродром.

Быстро заправились и снова вылетели, считая, что колонна уже прошла через населенный пункт. Так оно и было. Только гитлеровцы применили жестокий план: они согнали женщин и детей, посадили их рядом с собой в грузовики и продолжили путь. Оккупанты хорошо знали, что русские по своим стрелять не станут.

Группа капитана Боянова прошла над немецкой колонной и вновь вынуждена была вернуться на аэродром. Но гитлеровцев отпускать никто не собирался. У Маресьева и его товарищей кровь клокотала в жилах, сжимались кулаки от ненависти к врагу. Выждав около часа, они в третий раз вылетели на объект штурмовки.

Немцы к тому времени отпустили «живой щит» и ускоренным темпом следовали степным шляхом по намеченному маршруту, полагая, что русские больше не прилетят. Однако они ошиблись. Советские истребители и штурмовики, вынырнув из облаков, стремительно атаковали колонну. Начали с головы. Вторым заходом атаковали ее хвост и середину. В сторону грузовиков и бензовозов потянулись огненные очереди пулеметов и «Эрликонов», а затем посыпались бомбы. Тут же огромные языки пламени и клубы черного дыма окутали колонну. В безрассудной

панике заметались немцы, находя в этом страшном аду свою погибель.

В те трудные дни и недели подобных побед было до обидного мало. Но Маресьев и его боевые товарищи без- 60 мерно радовались им. И все же гораздо чаще, чем врагу, им приходилось ощущать горечь поражений, утрату боевых друзей и товарищей. Противник был сильнее, коварнее.

Каждый раз, поднимаясь в небо на своем потрепанном «ишаке», Маресьев не знал, вернется он вообще на аэродром или нет. Чересчур жарко было в небе. Редко какой вылет обходился без воздушных схваток, зенитных обстрелов. Бытовавшее в летной среде выражение «До обеда еще дожить надо!» родилось не на пустом месте. Бывало так, что утром Маресьев сидел со своим товарищем в столовой за завтраком. Разговаривали, шутили, обсуждали детали предстоящего полета... А на обеде товарищ уже отсутствовал, поскольку не вернулся с боевого задания. Только за два месяца полк потерял десять летчиков. Такой была суровая и беспощадная логика войны, к которой никогда нельзя привыкнуть.

Но были и счастливые случаи. Кого-то из летчиков уже считали погибшим, молча, не чокаясь, выпивали за него наркомовские сто граммов, а он неожиданно, целехенький, после долгих мытарств возвращался в полк. Такая история произошла с лейтенантом Владимиром Балашовым, боевым другом Маресьева. Прикрывая бомбардировщики во время штурмовки, его самолет был подбит, загорелся. Владимир выпрыгнул с парашютом над территорией, контролируемой врагом. Немцы долго искали летчика, но он спрятался в густой траве, а под покровом ночи вышел к Днепру. Шел на восток ночами, а днем пережидал в безлюдных местах. Спустя неделю Балашов, переплыв Днепр, оказался на левом берегу у своих, а потом вернулся в родной полк. И вновь, как и раньше, он вместе с Маресьевым стал вылетать на штурмовки.

Во время вылетов на боевые задания Маресьеву часто приходилось видеть многочисленные колонны беженцев. Они, словно вскрывшиеся после зимы реки, текли и текли на восток — пешие, на машинах и повозках, с тачками и колясками. Из кабины самолета был хорошо виден этот двигавшийся по дорогам разновозрастный и нескончаемый горестный людской поток: женщины с грудными детьми, старики, подростки, отставшие от своих частей военнослужащие. Вместе с ними, поднимая пыль, шли гурты скота, чем-то похожие сверху на огромные плоты.

Видел Маресьев и другие картины, от которых сердце кровью обливалось, а в душе рождался неукротимый гнев мести. Дороги были буквально вымощены трупами этих самых беженцев — женщин, детей, стариков... И не только дороги. В кукурузных полях и полях подсолнуха, где обезумевшие люди искали себе спасение, открывалось взору такое же страшное зрелище. Это были следы варварских, бесчеловечных налетов стервятников Геринга. По определению они не могли спутать беженцев с колонной войск и сознательно творили свое кровавое дело, убивая мирных советских граждан. Тогда как у наших летчиков — мало кто знает — было

неписаное правило: не расстреливать немецких летчиков, которые выбросились с парашютом. Они считали, что в воздухе надо драться, а не лежачего бить. Однако ненависть к фашистам от этого не убавлялась. В бою им не было пощады.

Уже после войны, когда с ней «покончили мы счеты», Маресьева не раз спрашивали, изменилось ли его отношение к бывшим врагам. Это был трудный вопрос для человека, который сам не раз смотрел смерти в глаза. И не только смотрел, а видел, как погибали его однополчане и как умирали от пуль летчиков люфтваффе в украинских степях ни в чем не повинные люди.

Человеческая память разборчива и долговечна. Раны заживают, но остаются шрамы и на теле, и в душе. Маресьев ни на войне, ни десятилетия спустя не изменил отношения к тем, кто в него когда-то стрелял и убивал его соотечественников. Для подтверждения этих слов обратимся к воспоминаниям корреспондента газеты «Советская культура» Станислава Бабаева, которому довелось в свое время встретиться с легендарным летчиком. Вот его рассказ, переданный автору книги:

«Это был 90-й год, канун 45-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Меня, в тот период специального корреспондента газеты ЦК КПСС “Советская культура”, вызвал к себе заместитель главного редактора и дал задание подготовить в тематическую юбилейную полосу коротенькое выступление кого-нибудь из известных и уважаемых фронтовиков. Общее направление материала: война давно закончилась, мы с немцами теперь друзья, времена обид и взаимных расчетов прошли. И так далее...

Первым в списке персоналий для этого разговора у шефа числился как раз Алексей Петрович Маресьев, я получил его реквизиты и телефоны.

В тот же день созвонился с секретариатом Советского комитета ветеранов войны и договорился о встрече.

Задание казалось мне несложным. А что, строкаж небольшой, тема — актуальная, какие проблемы? Мы как раз выводили из Германии свои войска, наш Президент обнимался с канцлером, немцы слали нам гуманитарную помощь. Весь западный мир дружелюбно улыбался нам, хлопал нас по плечу и, как заклинание, твердил новое и такое полезное слово “перестройка”. Разговор с моим героем представлялся мне простым и недолгим.

Но он оказался еще короче, чем я предполагал.

Когда я вошел в кабинет, Алексей Петрович поднялся навстречу, пожал руку: темный костюм, седина, звезда Героя... Не тратя впустую время, я вкратце изложил нашу общую с ним задачу. Мол, трагедия войны канула в Лету, теперь мы друзья, они дают нам еду и деньги, а мы берем, едим и тратим. Пора все простить друг другу и забыть, забыть навсегда.

И тут Маресьев, тот самый, повесть о котором все мы в детстве и юности читали, о ком сочинения писали “Настоящий человек. Кто он

сегодня”, жестом прервал меня.

— Ничего я им не простил. И ничего не забыл.

Слова прозвучали глуховато, но твердо. И я понял, что интервью сорвалось. Когда я докладывал о нашем разговоре шефу, тот, как мне показалось, ничуть не удивился. Просто дал мне еще три фамилии со словами “эти не откажутся”...

С того дня прошло тридцать лет. Много персонажей промелькнуло перед нами, разных... Да и сами-то мы, еще те герои — искренне и не искренне менялись точки зрения, убеждения обзывались заблуждениями, дифирамбы пелись — фальшивые и от души. За что-то теперь стыдно, от чего-то страшно.

А вот та встреча не забылась, впечаталась в память. Встреча с Настоящим Человеком».

Однако вернемся в жаркое лето 1941 года. Положение на фронте становилось все тяжелее. Части Красной армии, несмотря на мужество и героизм солдат и офицеров, продолжали отступать. После многодневных, ожесточенных боев, сообщалось в сводках Совинформбюро, наши войска оставили Кривой Рог, Запорожье, Херсон, Днепропетровск... Ухудшающаяся с каждым днем обстановка никак не вязалась со словами бодрой песни братьев Покрасс и В. И. Лебедева-Кумача, которую еще недавно распевала чуть ли не вся страна:

Мы войны не хотим, но себя защитим —

Оборону крепим мы недаром.

И на вражьей земле мы врага разгромим

Малой кровью, могучим ударом!

С отходом войск Южного фронта менял места базирования и 296-й истребительный полк. И довольно часто: Кривой Рог, Никополь, Мокрое, Екатериновка, Большой Токмак, Ново-Николаевка, словно в калейдоскопе прокручивались населенные пункты. Не успевали обжиться на одном аэродроме, как нужно было перебираться на другой.

В конце августа на очередном аэродроме вообще не задержались, поскольку попали под сильнейший бомбовый удар люфтваффе. Сразу шесть бомбардировщиков «Хейнкель Не. 111» под прикрытием трех истребителей «Мессершмитт Me.109» неожиданно вывалились из облаков и сделали заход в створ стоянки наших самолетов. Шла как раз их заправка. Посыпался град бомб, напоминающий чем-то топот бегущего по степи дикого конского табуна. Земля застонала, заходила ходуном. Летчики и техники, оглушенные воем бомб и ревом моторов, бросились врассыпную по щелям, дренажным колодцам, рвам — кто куда успел спрятаться. Маресьев залег в небольшом ровике. Страшные султаны взрывов сотрясали воздух, вверх летели комья вывороченной земли, горели автомашины, строения, в небо поднимались клубы дыма...

Несколько человек из числа инженерно-технического состава, не выдержав этой адской бомбежки, оставили укрытие, но тут же попали под

россыпь смертельных осколков и пуль. Когда бомбежка закончилась, перед глазами предстали ее жуткие последствия: глубокие воронки, исковерканные автомашины, вырванные с корнем деревья... Но больше всего Маресьева потрясла картина, врезавшаяся в память на всю жизнь: из топливозаправщика льется бензин, а рядом — шофер без верхней части туловища... Из самолетов серьезно пострадал лишь один И -16. Часть крылатых машин, к счастью, находилась в это время на боевом задании. Но летное поле было настолько вздыблено воронками, что не подлежало быстрому восстановлению. Поэтому полку пришлось менять место базирования.

Маресьеву и его товарищам в этом отношении было проще: перелетели на ближайший аэродром — и дальше можно воевать! Инженерно-техническому составу кочевать было куда сложнее. «Технарям» приходилось автотранспортом, а иногда пешком добираться до новых аэродромов по забитым войсками и беженцами дорогам. В пути попадали под бомбежки, а нередко случалось, что напарывались на диверсантов или передовые немецкие части. До прибытия «технарей» Маресьеву и другим летчикам самим приходилось обслуживать крылатые машины. Но Маресьеву к этому было не привыкать — еще с аэроклубовской поры он знал в самолете, что называется, каждый винтик и каждую гаечку.

В разгар боев в жизни Маресьева произошло большое и важное событие — его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Партийное бюро полка посчитало, что Маресьев достоин быть коммунистом. Созвали собрание. Партсобрания тогда проходили накоротке — долго заседать не позволяла боевая остановка. А документы принятым в партию часто выдавали прямо на аэродроме: у стоянок самолетов, у капониров, перед боевым вылетом. Нередко иное собрание прерывалось привычной командой «По самолетам!» и, случалось, заканчивалось уже не в полном составе: кто-то из летчиков не возвращался с боевого задания. Повестки дня тоже были лаконичны: «Пример коммуниста в бою», «О бдительности», «О повышении летного мастерства», «Коммунист всегда впереди»... Собственно, как и заявления вступающих в партию. В своем заявлении Маресьев написал: «Хочу лететь в бой коммунистом...» В тот же день он вылетел на очередную штурмовку.

Весь август и сентябрь для Маресьева прошел в сплошных боях. Особенно часто ему приходилось вылетать в район Каховки, где немцы захватили плацдарм до 20 километров по фронту и до 5 километров в глубину. Это была та самая легендарная Каховка, где еще в Гражданскую войну шли ожесточенные бои между красными и белыми, а потом о ней сложили песню. Теперь здесь снова «гремела атака, и пули звенели, и ровно строчил пулемет...».

Переброску на плацдарм свежих сил, техники и боеприпасов немцы осуществляли через наведенную через Днепр понтонную переправу. Одной из задач летчиков полка, других авиационных частей и

подразделений Южного фронта как раз и являлась штурмовка переправляющихся через реку частей и подразделений противника. Защиту переправы от налетов советской авиации обеспечивали зенитные батареи. А в небе постоянно висели немецкие истребители, готовые в любую минуту ринуться на перехват советских бомбардировщиков.

Схватки сталинских соколов со стервятниками Геринга шли не на жизнь, а на смерть. Небо расчерчивали трассеры пулеметов и автоматических пушек. Стоял оглушительный рев моторов. Бомбы сыпались градом. Река кипела от взрывов. Вот как описывал события тех дней германский литератор Пауль Карель: «Полковник Мельдерс со своей 51-й истребительной эскадрой взял на себя заботы по охране моста, который русские стремились уничтожить любой ценой. За два дня Мельдерс и его летчики-истребители сбили 77 советских бомбардировщиков. Две батареи зенитчиков люфтваффе — 1-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка и 1-й дивизион 64-го зенитно-артиллерийского полка — сбили еще 13 русских бомбардировщиков. Но, несмотря ни на что, большое число саперов из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий погибло за первые несколько дней при строительстве и ремонте моста. Бериславский мост стоил немцам больших потерь. Возможно, ни один понтонный мост на протяжении последней войны не наводился в столь трудных условиях и не подвергался столь яростным атакам неприятеля, как этот. Но благодаря ему 11-я армия создала плацдарм для решительного наступления на Крым и Кавказ».

Немецкий журналист преувеличил потери советской авиации, не сказав о своих. В штабах люфтваффе умели выводить нужные цифры, сводя их до минимума. Для этого свои сбитые самолеты они «разбрасывали» по другим дням и месяцам. Так что потери они тоже несли немалые. Только летчики 296-го истребительного полка сбили над каховской переправой 8 вражеских самолетов. Но потери с нашей стороны действительно были большие. К концу сентября в полку осталось четыре И-16 и два МиГ-1. К тому же изуродованных, потрепанных и побитых. Всего же с начала участия в боевых действиях на Южном фронте полк потерял 23 машины, из них 17 были сбиты в воздушных боях, 6 — зенитной артиллерией.

Поскольку полк потерял большое количество летного состава и техники, его в первых числах октября в соответствии с приказом командующего ВВС фронта полковника К. А. Вершинина вывели в тыл. На основании этого же приказа полк должен был пополниться до штатных нормативов, а летчикам требовалось переучиться на новую материальную часть.

После изнуряющих и кровопролитных боев, а Маресьев совершил несколько десятков штурмовок, он впервые по-настоящему выпался. В поселке Розовка, что неподалеку от Мариуполя, где летчиков временно разместили, они сходили в баню, поменяли белье. И главное: им предоставили возможность сбросить с себя груз тяжелейшего напряжения,

которое у них накопилось за время боевой работы. По сути, Маресьев и его однополчане получили отпуск, хотя он никаким приказом не был объявлен.

Несколько дней отдыха и в путь — в Куйбышевскую область*. Ехали медленно через Сталино**, Ворошиловград***, Поворино, Саратов... Дорога была трудная и длинная. Не один раз попадали под бомбежки. Видели их последствия: начисто разбомбленные станции, от которых остались лишь остовы кирпичных зданий. На некоторых станциях приходилось подолгу стоять — пропускали идущие на восток составы с ранеными или с оборудованием, станками эвакуированных заводов и предприятий. Там же, на станциях, разживались кипятком, меняли тушенку на домашнюю еду у местного населения.

До конечного пункта маршрута — железнодорожного разъезда Кряж, что неподалеку от Куйбышева****, худо- бедно добрались через четверо суток. Рядом с разъездом находилось небольшое село, возле которого был оборудован тыловой аэродром. Здесь дислоцировался 16-й запасной истребительный авиационный полк. Этот полк, как и ему подобные, решал массу различных задач. Здесь летчики переучивались на новую матчасть. Тут же шло сколачивание и слетывание полков, выведенных в тыл после больших потерь. Отсюда направлялись на фронт группы пополнения и летчики в индивидуальном порядке. Также на аэродроме регулярно приземлялись для дозаправки самолеты, летящие на фронт из глубокого тыла. Иными словами, жизнь полка напоминала хорошо отлаженное заводское производство, в котором все находилось в непрерывном движении.

Всех прибывших летчиков 296-го полка разместили по избам. А уже со следующего дня начались занятия. Переучиваться Маресьеву предстояло на самолете Як-1. Об этой машине он был хорошо слышан еще в Батайской авиационной школе, но летать на ней не приходилось.

*** С 1992 года — Самарская область.**

**** До 1924 года носил название Юзовка, в 1924—1929 годах — Сталин, с 1961 года — Донецк.**

***** Название города Луганск в 1935—1958 и 1970—1990 годах.**

****** Название города Самара в 1935—1991 годах.**

Это был фронтальной истребитель нового поколения. Мощный двигатель и удачные аэродинамические формы позволяли ему набирать скорость до 570 км/ч и достигать практического потолка до 10 тысяч метров. Очень удобной и комфортной была кабина. Вооружение машины также ни в какое сравнение не шло с вооружением И-16, на котором еще вчера летал Маресьев. На «Яке» стояла 20-миллиметровая пушка, обладающая большой скорострельностью. Меткой короткой пушечной очередью — 5-6 снарядов — можно было поразить любой из немецких самолетов, а в боекомплект «Яка» входило 140 снарядов. Имелся на самолете и крупнокалиберный пулемет, его боекомплект состоял из бронебойно-

зажигательных, разрывных, трассирующих и пристрелочных патронов: всего 1500. Пулемет и пушка перезаряжались с помощью пневматического привода и вручную. Кроме того, под крыльями «Яка» устанавливались специальные балки, на которые подвешивались эрэсы*. Еще одним достоинством этой крылатой машины являлось использование в ней сжатого воздуха, с помощью которого запускался мотор, убиралось и выпускалось шасси — не надо было крутить рукоятку, как на И-16 (43 оборота!). Колеса тормозились тоже сжатым воздухом. Мотор имел автомат наддува, так что газ на взлете можно было давать до упора, а не на слух, как приходилось делать на И-16, чтобы не «перенапрячь» мотор.

Як-1 сразу пришелся Маресьеву по душе. Да и однополчане оценили самолет высшим баллом.

— Вот на таких машинах можно смело валить фрицев, — говорили они.

Правда, для переучивания им сначала выделили всего лишь один «Як». На тот момент их просто не было в наличии. Как известно, Верховный главнокомандующий И. В. Сталин лично контролировал поступление самолетов на фронт. В то тяжелое время каждый самолет был на счету, поскольку сотни советских крылатых машин люфтваффе уничтожили в первые дни войны и главным образом на аэродромах.

*** На ранних «Яках» устанавливалось 6 подкрыльевых направляющих для запуска ракет РС-82. Ракета содержала около 300 граммов взрывчатого вещества, радиус сплошного осколочного действия — 6 метров. Однако точность поражения была крайне низкой, а направляющие сильно ухудшали аэродинамику, в связи с чем от использования РС отказались.**

Учебный Як-1 стоял на аэродроме в ангаре, и это помещение одновременно стало классом. Занятия с летчиками проводил инженерный состав полка. Режим учебы был жесткий, день заканчивался лишь тогда, когда, ознакомившись на «живом» самолете с различными системами, обучаемые могли по памяти воспроизвести их на бумаге. Инженеры оценивали знания каждого, после чего решали — может ли он идти отдыхать или должен еще заниматься.

«Вспоминая дни той учебы, — пишет уже знакомый читателю Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Б. Н. Еремин, — я не могу припомнить случая, чтобы летчики или техники отнеслись хотя бы к одному какому-то занятию с прохладцей. Перед допуском к тренировочным полетам каждый летчик обязан был сдать зачет у самолета на земле. Принимали зачет в присутствии командира полка Баранова, и он требовал, чтобы экзаменаторы не допускали поблажек. Когда дошла очередь до него, он четко ответил на поставленные вопросы, и инженеры решили этим ограничиться, но наш командир потребовал, чтобы его продолжали экзаменовать, причем в более сложной форме... Самолетов для переучивания не хватало, и мы были лишены возможности

попилотировать в зоне. Прочувствовать тогда машину по-настоящему не удалось. По существу, освоение самолета мы продолжили при перелете на фронт и в боевых условиях. Ресурс двигателя сберегали для предстоящих боев на фронте».

Переучивание полка завершилось в первой декаде ноября. Каждый летчик самостоятельно выполнил «полет по коробочке» — полет по установленному маршруту в районе аэродрома, отработав взлет, заход, расчет на посадку и т. д. Но в прежнем составе летчикам не суждено было вылететь на фронт. А причина состояла в секретном приказе Верховного № 0305 от 20 августа 1941 года «О составе авиаполков, вооруженных новой материальной частью». В документе говорилось, что «ввиду того, что новые самолеты, вроде Ил-2, Пе-2, Як-1 и т. д., являются грозным оружием против врага и необходимо их иметь на всех фронтах, тогда как промышленность пока не успевает удовлетворять потребности фронтов, приказываю: впредь все авиаполки новой материальной части формировать в составе 2 эскадрилий по 9 самолетов в каждой и 2 самолетов для командира полка и его заместителя — всего 20 самолетов в полку».

В соответствии с этим приказом в 296-м авиационном полку, имевшем в штате три эскадрильи, нужно было сократить одну эскадрилью, так как полк получал на вооружение новый самолет Як-1 вместо И-16. Что вскоре и произошло. В результате организационно-штатных мероприятий «за бортом» оказалась вся 3-я эскадрилья, в которой служили Маресьев, капитан Боянов, лейтенанты Вишняков, Васильев, Стоянов, другие летчики-фронтовики. Полк же в составе двух эскадрилий убыл на аэродром в поселок Баланду, что неподалеку от Саратова. Получив на Саратовском авиационном заводе новые истребители Як-1, 296-й полк в январе 1942 года вылетел на Юго-Западный фронт.

Сами летчики считали, что ни тогда, ни позднее это кадровое решение — разделение полка — не было оправданным. К двухэскадрильному составу полка привыкали долго и трудно. Да и что такое два десятка самолетов! Когда начались бои, зачастую собрать на вылет две боевые группы по 6—8 самолетов было не так-то просто. Но, как известно, приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. Как и не принято в офицерской среде выбирать, где служить и что делать. Для того и надевает человек на плечи погоны, чтобы не только командовать, но и неукоснительно следовать требованиям общевоинских уставов, беспрекословно подчиняться приказам командиров и начальников.

Без дела Маресьев и его товарищи не остались. Здесь же, при 16-м запасном истребительном авиационном полку, начал формироваться 580-й истребительный авиационный полк. Маресьева назначили помощником командира эскадрильи. Получили новые должности и сослуживцы. Правда, большую часть из них вскоре все-таки отправили в строевые части. Поговаривали, что и полк после формирования вылетит на защиту

Москвы, поскольку враг уже стоял у ее стен. Ожесточенные бои шли на Клинском, Можайском, Волоколамском направлениях... Сводки Совинформбюро, звучавшие из репродуктора, которые чеканным голосом зачитывал Ю. Б. Левитан, становились все тревожнее и тревожнее. Настроение у всех было подавленное. Всех волновал один и тот же вопрос: отстоим ли Москву?

В один из дней, а это было 7 ноября, летчики слышали из репродуктора голос И. В. Сталина. И все сразу вздохнули с облегчением: Москва наша, не сдали! Верховный главнокомандующий говорил медленно, с акцентом. Его слова были обращены к участникам праздничного парада в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической 70 революции, который проходил на Красной площади в Москве. Но одновременно это был призыв ко всем, кто находился в боевом строю:

—На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить разбойничьи орды немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!

Затаив дыхание, летчики ловили каждое слово вождя. И опять были мысли о фронте, о том, чтобы их как можно скорее направили на защиту столицы Родины. Обороняющимся войскам нужны были свежие силы летчиков.

Но проходили дни, недели, а полк никуда не двигался. Получив новое пополнение из числа выпускников авиационных школ, в основном это были сержанты, весь летный состав в напряженном режиме проходил переучивание на истребитель Як-1. Задача Маресьева, других опытных летчиков состояла в том, чтобы как можно скорее поставить молодежь на крыло.

Однако мысли Маресьева все равно были о фронте, откуда теперь каждый день приходили радостные вести о наступательных операциях Красной армии. Особенно вдохновляли победы наших войск под Москвой. Уже к концу декабря они разгромили части и соединения группы армий «Центр», прорвавшиеся к ближним подступам столицы с севера и с юга. Угроза захвата сердца государства миновала. Да и на других участках советско-германского фронта обстановка в корне изменилась. Несмотря на то, что вермахт по-прежнему обладал превосходством, инициатива в ведении боевых действий постепенно стала переходить к Красной армии.

Незаметно наступило 31 декабря. Маресьев и несколько его боевых

друзей собрались в избе, где он квартировал, чтобы отметить наступление Нового года. Подняв алюминиевые кружки, звонко чокнулись ими и, не сговариваясь, дружно прокричали здравицу:

— За Победу!

Новый, 1942 год начался с ожидания перемен. И они наступили. В начале февраля полк передали в резерв ВВС Московского военного округа. В один из дней Маресьев в составе 1-й эскадрильи прибыл на Саратовский авиазавод получать новую матчасть. До родного Камышина отсюда было рукой подать — всего каких-то 170 километров. Но возможности побывать дома не представилось. Зато в Саратове он повидался со своими родственниками. Здесь жила семья среднего брата Николая. Родственники приютили на несколько дней Алексея и его товарищей. В памяти племянницы Альвины Маресьевой, тогда еще маленькой девочки, хорошо отложилась встреча с дядей Леней: «Мы жили у самого завода, где делали моторы для танков, поэтому бомбежки были часто. Жили на третьем этаже. Мы с мамой постоянно бегали в бомбоубежище. Когда-то удавалось одеться, когда-то нет. Однажды, я помню, мама выскочила на улицу раздетая, в чем спала. Было очень страшно... Наготове у нас всегда был небольшой саквояж с необходимыми вещами. К счастью, в наш дом ни разу не попала бомба. Как раз в это время к нам приехал дядя Леня со своей эскадрилей. Кроватей на всех не хватало, спали, где придется, кто-то даже размещался на полу. Помню, меня отправили к соседке на время».

Получив новые Як-1, летчики перелетели на аэродром, базировавшийся под Калугой. Фронт был совсем рядом. Отбросив в декабре 1941 года захватчиков на 150—200 километров от Москвы, войска Красной армии готовились к новому наступлению.

— Теперь уж точно попадем на фронт! — не сомневались летчики. И при этом гадали: — Только на какой? На Западный? Брянский?

— А какая разница. И так уже застоялись...

Ждать пришлось недолго. В один из мартовских дней полк в полном составе прибыл на аэродром. Летчики получили полетные карты. Погода была хорошая. Сквозь редкие белесые облака пробивались лучи просыпающегося весеннего солнца. Послышались привычные команды:

— От винта!

— Есть от винта!

Первая группа новеньких светло-зеленых «Яков», в составе которой летел Маресьев, стала в ровный строй и взяла курс на Северо-Западный фронт.